

Э Туфотографию подарила мне Клавдия Алексеевна Неупокоева. Работая учительницей, она много лет собирала и хранила сахалинскую старину.

Лишь на первый взгляд снимок кажется заурядным. На самом деле в нем заложен заряд огромной силы, и я приглашаю юного читателя пристальнее всмотреться в эти лица, в ту эпоху. Сфотографировал их японский мастер 25 августа 1945 года в городе Сиритору, нынешнем Макарове. Принято считать, что в этот день закончилась война на Южном Сахалине, он был полностью занят нашими войсками.

Надпись на обороте хранит имена: 1-й ряд слева направо Зверев, Милешкин М. Е., Чистяков Н. Я., л-т Типорин; стоят Белов и Хабаров.

Вряд ли они живы сейчас. Иных уж нет, а те, кто топчет землю, поседели и согнулись под тяжестью прошедших 53-х лет. Минуло более полувека! Это очень много, почти столько же, сколько пролегло между приездом Чехова на Сахалин и августовской войной сорок пятого. Только те годы были насыщены страшными событиями: прогремело три революции, две мировые войны. Мы прожили в покое, может, даже в излишней самоуспокоенности: «Как живешь?» «Помаленьку».

Не будем гадать, какой они части, какого рода войска: лейтенант мог быть командиром взвода или даже роты; сержанты — кто помощником командира взвода или командром орудия, наводчиком, санинструктором, начальником радиостанции, командром отделения ПТР, а то и первым номером.

Зашли в фотомастерскую, поставили автоматы в угол и уселись у стола. Чтобы оживить картину, стали разливать в стаканы саке. О том, что это трофейный напиток, свидетельствует бутылка. У нас в таких бутылках спирт не выпускали. В армии выдавали сталинские сто граммов, но не водки, а разведенного спирта. Транспортировать питье в стеклянной таре было бы непозволительной роскошью. Спирт привозили в опломбированных бочках и разбавляли на месте под бдительным оком строевиков, чтобы интендантская братия поменяла жульничала.

И сигареты у них в руках трофейные. Наша табачная промышленность сигареты не выпускала вообще, для курильщика они были незэкономны, так как не имелиmundshuka. Производили папиросы

«Труд», «Пушки», «Батуми», из табачных отходов тоненькие, как спички, «Спорт». У офицеров среднего состава пользовались популярностью папиросы «Норд», армейские оstryaki расшифровывали: «нормальный офицерский расход денег». В красивых картонных коробках продавали «Казбек», «Дюбек», «Северную Пальмиру», но купить их мог офицер разве что для форсуса. Солдатам табачное довольствие выдавали в виде нескольких пачек грубой моршанской махорки, упакованной в такую же грубую оберточную бумагу. Носили махру в кисете, куда добавляли для крепости домашнего самосада в пропорции согласно личному вкусу. Самосад получали в посылках с материка, за него заядлые курильщики отдавали хлеб. Вообще во время войны самым ходовым товаром оказались хлеб, табак, спирт. Такова была примитивная потребность человека, постоянно смотревшего в глаза смерти.

Далее читатель обязательно обратит внимание на бравый вид сержантов сытые, крепкие, ладные. Видно, отцы-командиры блюли старую военную мудрость: хороший полководец воет лопатой да каши. Ну, лопатами да топорами они помахали вдоволь, когда севернее границы строили многочисленные укрепления. Немец преподнес кровавый урок, расстреливая в степях и на открытых дорогах десятки тысяч красноармейцев. Умел сберечь личный состав и боеспособность части тот командир, кто зарывал пехоту, танки и орудия поглубже в землю, кто за окоп и блиндаж в три наката держался, как вошь за кожух.

Что касается каши, то на Сахалине с ней было хуже. Кормили солдат в течение всей Великой Отечественной войны по

третьей норме, тыловой. Обедали жидким супчиком, борщем, перловкой или пшеничной кашей, в которой только при самом пристальном взгляде можно было отыскать каллю жира. Норма хлеба 600 граммов в день. Двести граммов на один присест — кажется, не так уж и мало: четвертая часть булки «Украинского» хлеба, выпекаемого сейчас Южно-Сахалинским хлебокомбинатом; блюстительницы осиной талии посчитают такое количество излишним. Но тот солдат из-за обеденного стола вставал несътим, ужин и вовсе ограничивался кусочком селедки, хлебом и блеклым чаем. В течение четырех лет его глаза были подернуты тоскливой мутью голодающего человека. Герой Советского Союза Г. Г. Светецкий в своих воспоминаниях не скрывал тяжелой картины: у солдат опухали ноги, случались голодные обмороки. Совсем отощавших зачисляли в специальные команды, им увеличивали нормы питания, добавляли

и думать не мог, что судьба наша вскоре резко переменится, кто-то будет искачен, кто-то убит. О войне с Японией мы узнали в ночь на 9 августа (в Москве было еще восьмое), когда наши передовые подразделения пересекли роковую полосу. Зависали пильы, застучали топоры, срочно стали мостить дороги, потому что нас с японцами разделяла не только просека по 50-й параллели, но и полоса зарослей, бездорожья. А предстояло развернуть и ввести в бой войска 56-го стрелкового корпуса генерала А. А. Дьяконова, большого войскового соединения с танками и артиллерией. Непосредственно боевые действия начались 11 августа, а границу мы перешли 9-го.

К ОГДА Харамитогский укрепленный район был разгромлен и командир 125-го императорского полка полковник Кобаяси капитулировал, Дьяконов сформировал крупный подвижный аван-

погончики увидели небольшой самолетик, похоже, истребитель. Все самолеты японцы перегнали в метрополию для борьбы с американской авиацией, а этот остался, наверное, ввиду неисправности. Если бы у японцев на Карабуто имелись хоть какие-то воздушные силы, наши потери были бы неизмеримы. Войска двигались по единственной дороге, на которой сутками творилось столпотворение.

Осмотрели мы самолетик вроде мин нет. Залезли на крыло, потрогали пилотскую кабину. Велик был соблазн снять ее и пустить в дело. В подразделениях славились умельцы, которые изготавливали из пlexiglasa красивые мундштуки, ручки для финских ножей, всякие иные штуки. Но кабина не поддалась, разбивать прикладом ее пожалели, решили, что утром возьмем отвертки и снимем. Прибежали утром выкуси! Колпак от пилотской кабинки уже кто-то прибрал.

Старая фотография

победители

жиров, временно освобождали от самых тяжелых работ. Летом военных подкармливала рыба, а дикоросы и хвойный настой спасали от цинги. Многие просились на фронт лучше в бой, да с сытым желудком.

Н АВЕСТИЛ я в больнице старого солдата 79-й стрелковой дивизии, ныне сотрудника Государственного архива Сахалинской области Владимира Леонидовича ПОДПЕЧНИКОВА, показал фотографию, разбудил его воспоминания. Ко времени описываемых событий служил он на дивизионной радиостанции, которая подчинялась непосредственно командиру дивизии генералу И. П. Батурову.

Ребята выглядят отлично, потому что с марта, возможно даже с первого числа, нас начали кормить по фронтовой норме. Особых разносолов не подавали, зато борщ стал наваристым, каша с мясом или маслом, чай сладким, порции увеличились еда ли не вдвое, хлеба вдоволь. Ожил солдат!

Это теперь всем известно, что уже 4-11 февраля 1945 года состоялась Крымская конференция руководителей трех союзных держав И. В. Сталина, Р. Д. Рузвельта и У. Черчилля. Отдельным соглашением конференции предусматривалось вступление Советского Союза в войну с Японией через 2-3 месяца после капитуляции Германии. Ровно через три месяца после Победы, 9 августа 1945 года, три фронта Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные открыли боевые действия. А подготовка к ним началась с борща и каши.

Тогда решения высшего руководства держались в строжайшем секрете, никто

гард под командой генерала Алимова и направил его скорым маршем на юг, на Тойохару. Подразделения отряда ехали на поездах, машинах, танках, разоружая по пути мелкие гарнизоны. О времени их прибытия в Тойохару мы можем судить по японским источникам, так как ни генерал Алимов, ни другие офицеры, участвовавшие в этой операции, никаких воспоминаний не оставили. Губернатор Оцу Тосио, арестованный органами контрразведки в декабре 1945 года, на допросах показал: «22 августа в 12 часов 30 минут на вокзале в Тойохаре я встретился с представителями советского командования и с этого момента честно работал и по совести помогал осуществлять все мероприятия советского командования».

Однако в тот же день, 22 августа, подразделения 113-й стрелковой бригады, освободившие Холмск, штурмовали японские позиции на Камышовом перевале. Именно 22 августа на Южном Сахалине прилетел генерал-майор Хоси и чиновник Учига, занимавший пост помощника начальника управления северными территориями. Они приземлились в Отани (теперь Сокол) и на машине губернатора были доставлены к Оцу Тосио. Ради чего рисковали генерал и важный чиновник, зная о безраздельном господстве советской авиации в воздухе? Цели их визита губернатор объяснил туманно, но все же вынужден был признать, что были они отнюдь не мирными.

Наша радиостанция двигалась за авангардом Алимова. 22 августа мы останавливались в Найоро (Гастелло). Там на ровном плато располагались аэродром, бетонированное летное поле, ангары. Мы осторожно обошли их и в одном из анга-

мереваясь сосредоточить их в горах для ведения партизанской войны. На полуустарых фабриках намеревались изготавливать ручные гранаты и копья из старых автомобильных рессор. По счастью, планам этим не суждено было осуществиться. Японское население бежало в горы, но за оружие никто не взялся, партизанская война не разгорелась.

Городок Сиритору, куда мы вошли, оказался пуст. Раздвижные двери были незаперты (замков у японцев не имелось вообще), и мы зашли в несколько домиков. Глазом кинули пусто, съестного не видно, а шарить в чужом жилье мы не стали. Голод заставил поймать в огороде двух кроликов, которыми и полакомились перед сном. Поутру от танкистов узнали, что на местном спиртзаводе есть крепчайший напиток отменного качества. Перед тем как достать крольчатину, мы его продегустировали и, пока там не выставили караул, успели наполнить объемистые бачки.

Поход нашего подразделения связи окончился в Отани. Сказали, что уже Тойохара занята, надо ждать дальнейших распоряжений.

Японское население стало возвращаться в города и поселки буквально на второй день. Вполне возможно, что 25 августа в Сиритору уже функционировала фотография.

Таких ребят, что запечатлены на снимке, я встречал много за семь лет армейской службы. Храню о них добрые воспоминания. Они достойны уважения: за их плечами победа над империалистической Японией.

К. ГАПОНЕНКО.

Южно-Сахалинск.